

БРОДСКОГО «ПРОПИСАЛИ» ПО МЕСТУ ССЫЛКИ

52 ГОДА НАЗАД ПОЭТА ИОСИФА БРОДСКОГО, ОСУЖДЕННОГО ЗА ТУНЕЯДСТВО, ОТПРАВИЛИ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В ССЫЛКУ ДЛЯ «ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В ОТДАЛЕННОЙ МЕСТНОСТИ». МЕСТНОСТЬЮ ОКАЗАЛАСЬ ДЕРЕВУШКА НА ЮГЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, ГДЕ БРОДСКИЙ ПРОВЕЛ ПОЛТОРА ГОДА — ВМЕСТО ПРИСУЖДЕННЫХ ЕМУ ПЯТИ.

КОНСТАНТИН ШОЛМОВ

Предприимчивые северяне превращают имя поэта в местный бренд: по количеству музеев Бродского на душу населения Коношский район опережает Нью-Йорк, Венецию, Петербург и прочие места, где тот прожил гораздо дольше. Честно говоря, опережает очень сильно, ибо таких музеев в мире просто нет. Экспозиция в петербургском доме Мурузи открывается лишь на время, «американский кабинет» в музее Анны Ахматовой тоже считается временной выставкой.

А Коноша — вот она, стоит под низким и широким северным небом. Она не похожа на Петербург и даже на другие архангельские райцентры, сохранившие вид средневековых купеческих городков или богатых речных сел. Это типичный лесной поселок из сборно-щитовых домов, большинство из которых еще видели 23-летнего Бродского, доставленного сюда по этапу из архангельской пересылки. Размером всего-то полтора на два километра, но местные краеведы умудряются водить здесь экскурсию полтора часа. У них вся Коноша превращается в музей: библиотека, в которой брал книги будущий нобелевский лауреат, комбинат бытового обслуживания, где он служил фотографом в последние месяцы ссылки, милиция, в которой он сживал, редакция районной газеты, опубликовавшей первые в СССР его стихи. Вдобавок вас снабдят набором мифов и легенд, который хвостом тянется за любой исторической личностью: как Бродский тайно ночевал в Коноше, как знакомился с девушками на танцах и пил пиво в закуске парикмахерской. В столицах следы даже самой масштабной личности размываются, пропадают во времени, в поселке же, где каждый человек на виду, все они — настоящие и ложные — сохраняются десятилетиями.

«...ЛУЧШЕ ТОЧНО НЕ БЫЛО» Коношане прекрасно осознают, что в их районе Бродский оказался не по своей воле и, в общем-то, случайно. Но это не мешает считать его своим. В конце концов, Пушкин в Михайловском тоже «сидел». Это хорошо заметно в музее № 1, который расположен на площадях районного краеведческого музея. (Помимо Бродского и истории Северной железной дороги здесь есть совершенно чудесная выставка о провинциальных дискотеках, но это к делу не относится.) Здесь можно увидеть фотографии коношан, встречавшихся с Иосифом Бродским и послуживших позже источниками информации для его биографов. Самое интересное, что часть снимков сделана самим Бродским, в бытность его фотографом Коношского КБО. Среди экспонатов выставки — стол из районного суда, за которым было принято решение о досрочном освобождении Бродского из

КОМНАТА ИОСИФА БРОДСКОГО В ИЗБЕ В ДЕРЕВНЕ НОРИНСКАЯ

КПЗ, где он отбывал 15 суток за нарушение режима (прогуливал работу), номера газеты «Призыв» за 1965 год, где опубликованы два стихотворения; редакционная печатная машинка, посуда, принадлежавшая его местным знакомым.

Второй музей — напротив, вполне себе современная композиция, которые ее авторы именуют по-модному «пространство», в районной библиотеке. Здесь стоит здоровенная конструкция из стекла, как бы символизирующая собой одновременно «поэтический кристалл» и деревенский дом с двускатной крышей. В стенах кристалла прорезаны окна, в которых видны фотографии все тех же коношан, с которыми общался Иосиф Бродский во время ссылки. В каждом окне можно прослушать стихи в исполнении автора, а чтение особо выдающихся гостей здесь же могут и записать для аудиоар-

хива. В библиотеке есть «шкаф Бродского» с подборкой книг, которые он брал, и электронный терминал, позволяющий изучить судебное «Дело Бродского» в виде компьютерной программы. Перед входом в библиотеку (которая с 2004 года носит имя поэта) — еще один арт-объект в виде скамейки с цитатами из «местных» стихов, самый известный и самый подходящий из которых, пожалуй, «Северный край, укрой...».

Дело в том, что Бродский не так уж часто описывает в стихах свое отношение к тому месту, в котором ему пришлось оказаться. Точнее говоря, реалии северной деревни служат для него своеобразной декорацией, в которой разыгрываются различные жизненные ситуации — от возвышенных до комических. Но сам автор смотрит на всю эту грязь, холод, звезды, репу, трактора, колodцы, несколько отчужденно, даже

можно сказать, недоумевающе. И самое главное — никогда, ни одним словом он не выражает чувства обиды или неприязни к Северу. Напротив, по его собственным словам, «были периоды хуже, но лучше точно не было». Бродский, хоть и жил до ссылки в ивановской башне из слоновой кости, отнюдь не был белоручкой. Но все-таки он был молодым шалопаем — и вот его ввергли в самую пучину, где «идиотизм сельской жизни» подкрепляется природными условиями, заставляющими каждый день буквально бороться за жизнь. Это не «мой мохито в „Ла Бодегите“, мой дайкири в „Эль Флоридите“».

Он увидел там — и это было для него потрясением — как живет «простой народ».

«Возможно я был бы интеллектуалом, читающим книги, — Кафку, Ницше и других. Эта деревня дала мне нечто, за что я